

Лариса Галушина

Чайка на проводе

Повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г16

Г16 **Галушина Л.**
Чайка на проводе: Повести / Лариса Галушина – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 183 с.

ISBN 978-5-8853-7682-2

"Повести Ларисы Галушиной «Заплатки» и «Чайка на проводе» – истории о том, что для каждого найдётся чудесная заплатка, чтобы заделать дыру в душе, нанесённую одиночеством, горем или обстоятельствами."

ISBN 978-5-8853-7682-2

© Lennex Corp, 2025
© Л. Галушина, 2025

ЛАРИСА ГАЛУШИНА

Чайка на проводе

2025

УДК
ББК

Галушина Лариса Викторовна

Чайка на поводе / Л. Галушина / Литературное агентство Эмиля
Ахундова, 183 с.

ISBN 978-5-6053433-4-9

Автор: *Галушина Лариса Викторовна*
Выпускающий редактор: *Щеглова Ирина Владимировна*
Редактор: *Левонесова Ксения Андреевна*
Корректор: *Левонесова Ксения Андреевна*
Технический редактор: *Кузьмин Алексей Леонидович*

Шрифт основного текста: PT Serif,
Шрифт заголовков: dance, лицензия CC BY, разработан Алек-
сандрой Арсентьевой в Школе дизайна НИУ ВШЭ, куратор Алексей
Пушков

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12. 2010 №436-ФЗ

УДК
ББК

Эмиля Ахундова
литературное агентство

ISBN 978-5-6053433-4-9

г. Санкт-Петербург,
Литературное агентство Эмиля Ахундова
(ИП Ахундов Э.И.), ИНН 781302617257.
<https://lit-agent.ru>, https://vk.com/litagent_ru,
<https://t.me/eakhundov>.

© Библиотека SMI.RU.COM., 2025

© Оформление ООО «Пабlish Системс»,

Метранпаж, Онлайн-сервис верстки книг, 2025

Обложка подготовлена в Онлайн-сервисе верстки Метранпаж

Заплатки

ЗАПЛАТКА ПЕРВАЯ. ЗАВОДСКАЯ

Бесконечный серый асфальт вдоль бетонного забора. Забор охраняет остальной мир от чадящих труб завода. Окна цехов из-за копоти не отличимы от кирпичных стен. В цехах то ли тазики штампуют, то ли радиодетали.

Алюминиевая пыль оседает лохмотьями на асфальт. Грязь скатывается в липкие комки, набивается в трещины. Выковыривай, загоняй в кучи, нагружай в тележку, вези в помойную яму. Наглое вороньё с забора насмехается: «Дур-ра! Дур-ра!»

А как протопчет рабочий люд на смену, на обед и с обеда — будто и не шикала метлой. Снова-здорово, на колу мочало — начинай сначала.

За смену руки вытягиваются до земли, затекают ноги, а в глазах мельтешит от бетона, окурков, кирзовых сапог с приставшей на подошве глиной. К концу трудового дня на языке появляется алюминиевый привкус, словно пробовала на вкус то ли тазики, то ли радиодетали.

Вон у напарницы Василисы метла двигается широко, споро. И сама Василиса широкая, спорая, с богатырским размахом рук. И с вызовом хохочет она на любую шутку, скалитесь белозубо.

Из рабочей серой толпы обязательно кто-нибудь выкрикнет:

— Васютка, а! Давай, Васьк!

В ответ Василиса хохочет. Тут же с удовольствием, смачно, без перехода, напористо запекает:

«Я купила колбасу,

И в карман полóжила!
 Что-то эта колбаса
 Мне душу растревожила!»

Роскошное вологодское оканье лезет из каждого слова. Заказчик частушки хохочет и эге-гекает. Василиса заливается смехом. Трясутся обесцвеченные кудри из-под вязаного берета.

Или, чаще, вот эту, любимую:
 «Вологодские робята
 Воры и грабители.
 Ехал дедушка с навозом,
 И того обидели!»

Людмила рдела щеками. Ей, юному дарованию музыкальной школы, почитателю бархатных баритонов итальянских певцов из бобинного магнитофона «Соната», претила грубоватая простота напарницы. Только вот прицепилась колкая частушка, не отодрать. Людмила злилась, напевала под нос другие песни. Но, как ни странно, именно «дедушка с говном» идеально ложился под монотонную работу метлой. Частушка в ритме «ших-ших-ших».

Однажды метла сломалась. Глупо — прутья застряли в решётке. Дёрнула — в руках лысая палка. Ворона на заборе выплюнула: «Кр-рах! Дур-ра!»

— Чего ревёшь во всю голову? Эка печаль! — Василиса на ходу стянула брезентовые рабочие рукавицы. — Ты это, вдругорядь полегче! Метла, поди, денег стоит! Дуй пока в каптёрку, а я чайник сгорячу!

Подсобка с инвентарем в подвале. Дверь прохрустела на петлях, Людмила прошаркала вниз по неровным ступеням, пошарила руками по шершавой и почему-то мокрой стене и нащупала выключатель. В тусклом свете лампочки слабого накала тень мётел разлохматилась по стенам. В дальнем углу стукнуло.

— Крыса! — Людмила чуть не кинулась вон, на волю. Потом пред- ставила понимающую улыбку Василисы. — Мамочка родная!

Уф, делов-то: взяться за черенок, приподнять и вытащить метлу из деревянного паза.

Сзади заскрипело. Людмила обернулась. Дверь впустила крупную мужскую фигуру и захлопнулась. Щёлкнул железный замок.

Людя узнала мужика: по кличке Кабан, имя не спрашивала. Не раз мужик присвистывал вслед, не раз она ловила на себе прилипчивый взгляд. Не раз за её спиной в компании рабочих раздавался липкий мужской гогот.

— Не дрейфь, Людка. Свои. Я за молотком, — говорит Кабан, а сам не двинулся с места. Крепкие зубы перетирают окурки.

Людмила замерла. Не мигая наблюдала, как приближается огонёк сигареты. И вот уже мужик глыбой нависает — зубы с жёлтым налётом.

— Красивая ты девка, Людка! В кино, что ли, ходим. Слышь?

И вдруг сильными руками взял за девичьи плечи. Сквозь дешёвый одеколон пахнуло алюминиевой стружкой и чадом.

Людмила метнулась из сильных рук и, выставив вперёд метлу, попятилась.

— Уйди! — сухими губами процедила она. Сцепила зубы и удобней перехватила древко метлы. Всё обмерло и высохло — во рту, в горле. Путь метлы вздрагивали у мужской груди в грязной спецовке. Люде вдруг представилось, будто держит она ружьё.

— Ты, Людка, не мудри. — Окурок прожевался в другой угол рта. — Приласкаешь по-хорошему, не обижу.

Тут Людмила представила, так ясно, будто взаправду, — вот Кабан на коленях, кадык ходит вверх-вниз. Она вбивает древко метлы в скособоченный рот, разлетаются прочь крепкие зубы. А потом бьёт и бьёт ногой обмякшее тело. С каждым ударом тело дёргается, хрипит, скулит. Кровь заливает глаз, щёку, плохо выбритый подбородок. В густой луже тонет окурок.

Ярость поднималась в ней, как газировка в стакане. Вдруг остро захотелось, чтобы мужик подошёл ближе, дал бы повод выплеснуть страх. Отомстить за бесконечно грязный асфальт, за чадающие трубы. За привкус алюминиевых тазов, что не отпускает и ночью.

Людмила вдруг испугалась саму себя — чувства, порыва. Казалось, что в глазах у неё темно от душной злобы, такой же давящей, как резкий спазм в животе.

Кабан тем временем уговаривал:

— Никто не узнает. — Окурок прыгал вместе с толстой губой. — Ежели сама не похвастаешь. Бабы, вы такие.

Людмила выпрямилась. Вздохнула раз, другой. Отступила и коротко взглянула — далеко ли дверь.

— Всё! — приказала она себе. Перехватила метлу удобнее. Встала широко, упёрлась резиновыми сапогами в бетонный пол. Вспомнилось, как однажды была в видеосалоне. На экране вертлявые китайцы высоко задирали ноги, ломали стены. Звук запаздывал, и звонкие шлепки ударов доносились позже. Гнусавый переводчик не поспевал за действием, проглатывал слова.

Людмила крикнула, чтоб убедиться:

— Всё! Отбоялась.

Она выдохнула, легко удивилась, как ровно бьётся сердце, предупредила:

— Зубы выбью.

Кабан нахмурился. Опустил глаза на её ощерившуюся улыбку и вдруг сник, будто спецовку сняли с гвоздя.

В том китайском кино герои двигались мягко, опасно, как дикие звери.

— Вологодские робята? — оскалилась Людмила вроде бы задумчиво. Вдруг засмеялась натужно, как кукла-болванчик. Плавное, будто невзначай, шагнула вперёд. — Воры и грабители! А вонючий Кабан угодил в капкан!

— Людк, ты чё? — пробормотал мужик, не сводя глаз с метлы в тоненькой девичьей руке. — Я, если чё, и жениться могу.

Людмила улыбнулась. Снова мягко, по-рысьи, шагнула вперёд. Приподняла метлу.

— Дура, я за молотком, — сплюнул Кабан. — Кому ты нужна! Тоща, как рыба кость!

Выплюнул окурок и тут же достал из кармана пачку. Сигарета поддалась не сразу. Мужик смачно выругался.

— Ну! — прикрикнула Людмила. А внутри подначивало: «Дай только повод!» Пальцы, сжавшие метлу, заныли.

Кабан присовокупил. Сплюнул свежую сигарету, по дуге обошёл девушку, покосился на метлу и вышел. Хлопнул дверью так, что повалились неровно стоящие у стены деревянные лопаты.

Выронив метлу, Людмила осела на пол. Руки повисли плетьюми. Сердце билось где-то в горле. Коленки тряслись мелко-мелко.

Она полна этим заводом, этой метлой, этой серостью по самую завязку, добавки не надо. Сами кушайте.

В каптерке надрывался чайник. А Василиса словно и не замечала густой пар. Непривычно тихая, она уткнулась в отпечатанный на машинке бумажный лист. Рядом лежал надорванный конверт с синей казённой печатью.

Людмила сняла чайник.

— Письмо вот принесли: двоюродная сеструха, Кутузова Нинка... земля ей пухом, — Василиса не поднимала глаз от письма. — Дочка у неё осталась, уже маленькая... Инга. Присмотреть некому, одни жили. Только соседка... Помню девчонку: мелкая, шустрая: моего хряка оседлала, а тот как припустил по деревне! С забора хулиганку снимали, Ингушку эту... К себе пустить? На кухне раскладушка влезет. Кровь не водица, пригодится умыться. Как ты дума...

Василиса подняла задумчивый взгляд на Людмилу и охнула.

— Ой, что с тобой? Лицо белое, как минтай в столовке!

Людмила опустила за стол, провела ладонью по вытертой клеёнке. Пальцы уже не дрожали.

— Моё настоящее имя Люция, — непонятно почему сказала она.

— Это ж за что тебя? — Василиса сунула письмо в карман рабочего халата. — Родители не любили?

— Обожали... Папа на заводе самолёты собирал и космосом грезил... «Дочь! Скуку прочь! Полетим на Сириус! Кашу доедай, а то в небесный поезд не пустят!» А мама на пианино... Я кукол кормила и укладывала их спать под Баха и Прокофьева с Дунаевским. Родители замыслили соединить «Людвиг» да «Циолковского». Вот и получилась Люция.

— Дела! — сверкнула зубами Василиса. — Была у нас в деревне бабка Пульхерия. Дак её товарки Полухерией называли!

— Знаешь, жила такая святая Люция. Давно, в Сиракузах. Ей вырвали глаза...

— За дело хоть?

— За веру. Замуж не пошла.

— Слава Советам, сейчас другие времена!

— Бабушка всё-таки настояла на имени Людмила... — Людмила потихоньку отпускала дрожь. — Всё равно, уйду я, Василиса! Надо-ел завод. Завтра же уйду! В училище уйду. На углу Воскресенской и Ленина, знаешь? Там требуются... объявление на столбе. Выучусь детишек учить.

— И то дело! — Василиса бестолково задвигала чашкой. Несколько бурых капель шлёпнулись на скатерть в цветочек, но Василиса не заметила. Она молчала, елозила чашкой, потом выпалила: — Я бы в стюардессы пошла! Чтоб причёска и на шее прозрачный шарфик. Пилот такой весь брүнет. Улыбка. Фуражка. «Полетаем, — спрашивает, — Василиса Викторовна?» А я серьёзная, жуть! Стюардесса, не фунт изюма: «Пройдите в кресло, командир. К полёту готовы!»

Василиса опустила глаза. Пальцы теребят пачку печенья «Столичное».

— Только бабка всё болеет, а мой Юрка... Вчера этому оболтусу пиджак и в школу всякого купила: ручки-краски-тетради. А ты спроси, сколько денег оставила спекулянтам?! Теперь вот Ингушка эта...

Василиса помолчала. Потом вдруг рубанула:

— Да пусть приезжает, угол найдём. Чего девчонке в деревне пропадать!

Половина чая из чашки выплеснулась.

— Хорошая ты, Василиса. — Людмила улыбнулась и почувствовала кровь на губе. — Знаешь, что? Своди-ка своего Юрку в кино.

— На кой?

— Китайцы смешно дерутся. Мальчишкам нравится.

— Билет в кино, поди, буханку хлеба стоит, — вздыхает Василиса. Длинный гудок гудит конец обеда.

С завода Людмила ушла. Не сразу, конечно. Под причитания Василисы: «Без денег девка, да совсем сирота», — отработала положенные две недели, прошаркала метлой под «вологодских ребят». Покрикивала на обладателей тяжёлых грязных сапог, поднимала глаза от трещин на асфальте. Гоняла ворон. И улыбалась.

ЗАПЛАТКА ВТОРАЯ. РОМАНТИЧНАЯ

Дали Людмиле койку в женском общежитии по улице Первомайской. Хорошая комната. Три на четыре метра, две соседки, пружинная кровать, на обоях вырезки белозубых мужчин из модных журналов, а в окно лезет настойчивыми ветвями липа. Что ещё для счастья надо? В один заход перевезла своё богатое хозяйство — рюкзачок да дерматиновый пузатый чемоданчик.

К тому же здание общежития — дореволюционное, с лепниной, с толстыми стенами и стойким запахом кипяченых тряпок. Открывайте тяжёлую украшенную бронзовыми бляшками дверь и поднимайтесь по стёртым ступеням. В холле обязательно наткнётесь на мешанину из вязаных кофт, шарфов и безрукавки с карманами.

Это Нинель Марковна — бессменный и незыблемый вахтер общежития. Женщина потеряла в далёкую молодость мужа, Броню, Бронислава, поэтому закрывала глаза на попытки проскользнуть мимо неё гостей мужского пола.

Бывало, окинет взглядом щуплую мальчишечью фигуру и кивнёт:

— До девяти! Ишь, детки-конфетки, женишки-лопушки!

Иному же грудью перекрывала вход на этажи:

— Ты пьёшь вино, твои нечисты ночи,

Что наяву — не знаешь, что во сне!

Ухажёр нервно шарахался от громкого гласа вахтёрши.